

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 131–134
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 131–134
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

Научная статья
УДК [316.722+316.75](47+57)

Социокультурные основания советского общества в контексте теории секуляризации

В. Р. Яковлева

Общecerковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

Яковлева Валерия Руслановна, аспирант, ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению социокультурных оснований советского общества сквозь призму современной теории секуляризации. Ставится задача избежать упрощенного, «черно-белого» и монистического взгляда на советское наследие. **Теоретический анализ.** В качестве теоретической основы применяется современная многомерная теория секуляризации, исследующая не исчезновение религии, а трансформацию роли «священного» в современных обществах. В рамках этого подхода выделяются два ключевых, функционально связанных, но генетически независимых основания советского общества: марксистская идеология, рассматриваемая как «трансцендентное» (трансцендирующее революционное действие), и русская высокая классическая культура как «священное». Советская идеология использовала культуру для легитимации и формирования «нового человека», однако культура в целом сохраняла автономию. Это различие объясняет, почему современная ностальгия направлена преимущественно на культурные формы, а не на идеологические доктрины. **Заключение.** Исследование выявляет двойственность советского наследия, подчеркивая независимость советской культуры от коммунистической идеологии. Такой дифференцированный подход позволяет сформировать более взвешенное отношение к советскому прошлому, отказавшись от идеологического монизма, и способствует продуктивному использованию лучших образцов советской культуры в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: советское общество, теория секуляризации, священное, трансцендентное, культура, идеология

Для цитирования: Яковлева В. Р. Социокультурные основания советского общества в контексте теории секуляризации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 131–134. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The socio-cultural foundations of Soviet society in the context of secularization theory

V. R. Yakovleva

Ss Cyril and Methodius Institute for Post-Graduate Studies, 4/2, bld. 1 Pyatnitskaya St., Moscow 115035, Russia

Valeria R. Yakovleva, ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

Abstract. Introduction. This article examines the socio-cultural foundations of Soviet society through the theoretical lens of modern secularization studies. Its central aim is to challenge reductive and monistic interpretations of the Soviet heritage. **Theoretical analysis.** The analysis employs a contemporary, multidimensional theory of secularization, which posits a transformation, rather than a mere decline, of the religion in modern societies. From this perspective, the study identifies two functionally interconnected, yet genetically distinct, foundational pillars of the Soviet project: Marxist ideology, conceptualized as a “transcendent” force driving revolutionary action, and Russian high classical culture, which served as a repository of the “sacred”. The argument demonstrates that while the regime instrumentalized classical culture for legitimation and social engineering, the cultural sphere maintained a significant degree of autonomy. **Conclusion.** The research reveals the duality of the Soviet heritage, emphasizing the independence of Soviet culture from communist ideology. Such a differentiated approach allows for a more balanced attitude towards the Soviet past, moving away from ideological monism, and facilitates the productive use of the best examples of Soviet culture in contemporary socio-cultural space.

Keywords: Soviet society, theory of secularization, the sacred, the transcendent, culture, ideology

For citation: Yakovleva V. R. The socio-cultural foundations of Soviet society in the context of secularization theory. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 131–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-131-134>, EDN: EBEYDS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном российском обществе по мере развития массовой потребительской культуры, обуславливающей снижение значимости духовных ценностей, нарастает ностальгия по советской эпохе. Форма и содержание произведений советской культуры, многие праздничные традиции и ритуалы уже не получают пренебрежительного наименования «совок», а становятся привлекательными элементами социально-культурной жизни, особенно в рамках воспитательной работы с детьми и молодежью. Это переосмысление советского прошлого и его культурной ценности для настоящего во многом обусловлено тем, что в последние десятилетия не были предложены сопоставимые достижения в культурной жизни и экономическом развитии. Переоценка советского опыта коснулась также его идеологического содержания. Неоспоримые достижения СССР в науке, технике и культуре, его геополитический престиж используются в качестве довода в пользу истинности коммунистической идеологии. Так, в сборнике статей «Православный социализм» [1] авторы неоднократно ссылаются на примеры советского воспитания, этики самопожертвования, коллективизма и т.д. в качестве обоснования своего тезиса о сущностном сродстве христианства и коммунизма, при этом факты гонений на Русскую Православную церковь объясняются либо временным влиянием ленинизма, либо виной самой Церкви, не поддержавшей в 1917 году монархию.

Подобные попытки переоценки советского общества и его наследия рисуют черно-белую картину истории, предлагая непримиримые оппозиции (если не коммунизм, то капитализм), либо социокультурный монизм (советский коммунизм – это лишь одно из проявлений паттернов российской цивилизации). В этом отношении более взвешенным выглядит предлагаемый М. А. Шаткиным и М. О. Орловым подход, выделяющий несколько разных измерений историко-культурного наследия [2]. С точки зрения данного подхода следует, в частности, проводить различие между унаследованным от Советского Союза (например, социальная и материальная инфраструктура) и тем, что СССР мог оставить в качестве своего уникального «завещанного» (например, советская форма власти). Однако для использования данного

подхода необходимо выделять различные социокультурные основания советского общества, что позволило бы дифференцировать разные типы наследия этой эпохи.

С учетом того, что СССР был неразрывно связан с коммунистической идеологией, которая сегодня интерпретируется как претендующая на религиозное значение система ценностей [1], представляется оправданным рассмотреть социокультурные основания советского общества с точки зрения теории секуляризации, раскрывающей меняющуюся роль религиозных и квазирелигиозных феноменов в современном обществе.

Теоретический анализ

Особенностью текущего этапа развития теории секуляризации является отход от прежних линейных интерпретаций процесса снижения роли религии в обществе. Согласно последним, западные общества последовательно прошли путь от религиозных сообществ к секулярным и затем постсекулярным. Современные подходы рассматривают секуляризацию как многомерный и разнонаправленный процесс трансформации (а не снижения) роли религии (а точнее, священного) в разных сферах общества. Так, М. Burchardt [3] указывает, что классические теории секуляризации были сосредоточены на идеологических, политических и мировоззренческих аспектах, но при этом игнорировали материальные объекты и практики, которые обозначают и закрепляют границы между светским и религиозным. Автор подчеркивает, что интеграция религиозных объектов в культурное наследие сопровождается процессом их трансформации в «секулярное священное» [3, р. 374]. Н. Joas также обращает внимание на священное. В частности, он критикует Ч. Тейлора за то, что последний рассматривал секуляризацию исключительно в терминах снижения значения трансцендентного, и вместо этого, опираясь на идеи Э. Дюркгейма, предлагает фокусироваться на священном как основном содержательном элементе религиозного опыта [4, р. 151]. Blankholm [5] исследует парадокс светскости, заключающийся в том, что попытки утверждения атеистического мировоззрения неуклонно воспроизводят институциональные формы и ритуальные практики религиозных движений. Автор поднимает вопросы, требующие отдель-

ного социально-философского осмысления: где пролегает грань между универсальными социальными связями и теми, которые отражают специфику религиозного опыта? [5, p. 17, 59, 71].

На наш взгляд, поворот в современных исследованиях секуляризации в сторону воплощенного в материальных объектах священного (которое может быть как религиозным, так и светским) не означает отказа от рассмотрения идеологических и мировоззренческих аспектов данного феномена. Возможно, следующим этапом развития этой теории станет новый теоретический синтез, где трансформация как убеждений и взглядов, так и повседневных социо-материальных практик будет рассматриваться в их сложной взаимообуславливающей связи. Такой синтез позволит рассматривать различные явления, связанные, с одной стороны, с верой в трансцендентное и, с другой стороны, с религиозными и светскими ритуалами и священными объектами в релевантных их значению контекстах. Это, в свою очередь, поможет избежать смешения понятий и станет основой для определения точного статуса социокультурных явлений.

Применение подобной комплексной версии теории секуляризации к советскому обществу позволит избежать как крайностей, так и монистического взгляда на исследуемую эпоху через поиск какого-то единого социокультурного основания. Опираясь на работы S. E. Hanson [6] и К. Кларк [7], можно выделить два ключевых социокультурных основания советского общества. Во-первых, это марксистско-ленинская идея трансцендентного (не являющегося следствием эволюционного развития) и трансцендирующего (отрицающего текущее положение дел) революционного действия. В своей книге Hanson подробно анализирует, как разные поколения советской власти искали способ поддерживать революционное действие под контролем коммунистической партии, пока в период Перестройки к власти не пришли управленцы, питавшие надежду на то, что советский народ готов стать источником спонтанного преобразующего действия, если ему не будет мешать партия. Во-вторых, это высокая (классическая) русская культура, которая в 1930-е гг. вытеснила прежние попытки создания пролетарской культуры. Кларк показывает, как высокая культура, опирающаяся на романтические традиции и тесно связанная с

общеευропейскими тенденциями, заняла место «священного» в социокультурном пространстве советского общества [7, с. 177, 388 сл.].

Таким образом, советское общество имело два независимых по своему происхождению основания, которые, тем не менее, функционально были связаны между собой. Коммунистическая идеология использовала классическую русскую культуру в качестве собственной легитимации, а также в качестве инструмента формирования «нового советского человека», чьей отличительной характеристикой становился не революционный порыв, а общая «культурность». Русская культура приобрела широкие возможности для своей трансляции как внутри России, так и за рубежом, при этом сохраняя определенную автономию, несмотря на спорадические кампании властей против «формализма» и «авангардизма». Другими словами, высокая культура стала «священным», которое служило опорой для «трансцендентного», не будучи онтологически (в том числе генетически) связанным с ним. Соответственно, попытки рассмотрения советской идеологии как квазирелигиозного культа должны учитывать не только почитание живых и мертвых партийных вождей, но также священный статус культуры и квазижреческий статус советской творческой интеллигенции.

В то же время попытка советской власти присвоить себе русскую классическую культуру, в том числе через интерпретацию писателей, поэтов, художников, композиторов XIX века в качестве «предтеч» революционного движения и критиков царизма, привела к тому, что воспитание детей и молодежи на ценностном и эстетическом основании высокой культуры стало восприниматься в качестве «советского воспитания». Соответственно, достижения русской культуры советского периода также приобрели статус достижений советского строя, которые доказывали его правоту и преимущества. Сегодня неоспоримые факты создания в советскую эпоху общенациональной системы патриотического и культурного воспитания, которое транслировало традиционные духовные ценности самопожертвования, бескорыстного служения Родине, взаимопомощи, уважения и т.д., а также эстетические ценности классической культуры интерпретируются в качестве прямого результата действия коммунистической идеологии. Как следует из

вышесказанного, в этом выводе кроется ошибка смешения коммунистической идеологии и основанной на русской классической традиции советской культуры.

Применение теории секуляризации к советской и постсоветским эпохам помогает пролить новый свет на их социокультурную специфику. Исчезновение трансцендентного (коммунистической идеологии) не означало деструкции священного (советской культуры), которая имела отдельный от трансцендентного источник. Поэтому характерная для многих современных жителей России ностальгия по советской культуре не тождественна ностальгии по советской идеологии, в том числе ее атеистическим интенциям.

Заключение

Рассмотрение социокультурных оснований советского общества в контексте теории секуляризации позволяет выявить двойственный характер этих оснований и избежать необоснованного монизма. Отрицание коммунистической идеологии не означает отрицания советской культуры, а любовь к культурному наследию советского времени не равнозначна ностальгии по социалистической экономике. Обращаясь к упомянутой ранее концепции наследия [2], можно утверждать, что тем «завещанным» советской эпохи, которое мы имеем право и даже обязаны хранить, является сама практика о сохранении, распространении и развитии высокой русской культуры, основанной на вечных ценностях справедливости, гармонии, саморазвитии и т.д. В то же время коммунистическая идеология, которая не имела прямых генетических связей (в ту или иную сторону) с русской культурой, хотя и использовала последнюю в качестве инструмента своей легитимации, может быть отнесена к категории наследия как «последствия». Дифференциация этих двух измерений советского наследия может внести вклад в формирование более взвешенного отношения к советскому прошлому и более широкого использования лучших образцов советской культуры в современном российском обществе.

Поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 12.03.2026

Список литературы

1. Православный социализм / под ред. Н. В. Сомина. СПб. : Алетея, 2025. 486 с.
2. Шаткин М. А., Орлов М. О. Этнокультурная традиция как наследие: реконцептуализация в условиях современности // Россия и современный мир. 2024. № 4 (125). С. 190–204. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>, EDN: IIVBWI
3. Burchardt M. Material secularities // *Secular Studies*. 2025. Vol. 7, iss. 2. P. 371–376. <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10083>
4. Joas H. *Under the Spell of Freedom: Theory of Religion after Hegel and Nietzsche*. New York : Oxford University Press, 2024. 485 p.
5. Blankholm J. *The Secular Paradox: On the Religiosity of the Not Religious*. New York : NYU Press, 2022. 297 p.
6. Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1997. 257 p.
7. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.

References

1. Somin N. V., ed. *Pravoslavnyy sotsializm* [Orthodox socialism]. St. Petersburg, Aleteiya, 2025. 486 p. (in Russian).
2. Shatkin M. A., Orlov M. O. Ethnocultural tradition as heritage: The modern reconceptualization. *Russia and the Contemporary World*, 2024, no. 4 (125), pp. 190–204 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>, EDN: IIVBWI
3. Burchardt M. Material secularities. *Secular Studies*, 2025, vol. 7, iss. 2, pp. 371–376. <https://doi.org/10.1163/25892525-bja10083>
4. Joas H. *Under the Spell of Freedom: Theory of Religion after Hegel and Nietzsche*. New York, Oxford University Press, 2024. 485 p.
5. Blankholm J. *The Secular Paradox: On the Religiosity of the Not Religious*. New York, NYU Press, 2022. 297 p.
6. Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1997. 257 p.
7. Clark K. *Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet culture, 1931–1941*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2011. 420 p. (Russ. ed.: Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 520 p.)